

Ю. И.
АЙХЕНВАЛЬД

Избранное

Юлий Айхенвальд
Левитов

«Public Domain»

1914

Айхенвальд Ю. И.

Левитов / Ю. И. Айхенвальд — «Public Domain», 1914 — (Силуэты русских писателей)

ISBN 978-5-457-32372-8

«Характерно для Левитова, что бытописатель, прикованный к месту и моменту, постоянно видя перед собою какое-то серое сукно жизни, грубость и безобразие, пьяные толпы России, крестьянскую нужду и пролетариат городской, он в то же время способен от этой удручающей действительности уноситься далеко в свою мечту – и она, целомудренная, поэтическая, сентиментальная, еще резче оттеняет всю тьму и нелепицу реальной прозы. В нем глубоко сочетаются реалист и романтик...»

ISBN 978-5-457-32372-8

© Айхенвальд Ю. И., 1914
© Public Domain, 1914

Юлий Исаевич Айхенвальд Левитов

Характерно для Левитова, что бытописатель, прикованный к месту и моменту, постоянно видя пред собою какое-то серое сукно жизни, грубость и безобразие, пьяные толпы России, крестьянскую нужду и пролетариат городской, он в то же время способен от этой удручающей действительности уноситься далеко в свою мечту – и она, целомудренная, поэтическая, сентиментальная, еще резче оттеняет всю тьму и нелепицу реальной прозы. В нем глубоко сочетаются реалист и романтик. Он поправляет быт своею грезой и в его тяжкие будни вносит свою неизменную внутреннюю праздничность. Блуждает он, странствует по степи или в темных переулках Москвы или следит за вереницей шоссейных типов и сцен; и то, что он видит и переживает, кошмаром безысходного горя гнетет сознание, но под этой пеленою в душе писателя все же трепещет чувство Бога и солнца, преклонение пред «высокой Божьей деятельностью» и томительное ожидание счастья, на которое всегда готово его ласкающее, но не приласканное сердце. В этом сердце у него, как лампада перед иконой, теплится идиллия, и он хотел бы ее лучами пронизать и согреть все жилища и жизни, отдать чужой скорби все свои невыплаканные слезы, помочь себе и другим своей приветливой задушевностью. Если бы он только мог, если бы это было в его власти, он подавил бы в себе свое понимание смешного и умение его изображать, свой гоголевский отблеск, – он только благословлял бы, он только воссылал бы к «светлому глазу Божьего солнца» эти проникновенные мольбы: «Боже, в души больные моих страдающих братьев тишь бы такую Ты посылал!» или «Мир вам! Мир вам, добрые, добрые люди, обставлявшие некогда мою бедную детскую жизнь! Мир тебе и покой, бедная родная сторона моя!»

«Холод ночей беспокрышных», горемычное сиротство обижаемых детей и женщин, «терпеливая русская почва», в которую бросает свои семена «беспрестанный работник – деревенский день», – все это, конечно, в глазах Левитова – унылые будни, «мучитель-понедельник»; а тот праздник, который он в своей обычной, излюбленной антитезе противопоставляет им, – это раньше всего природа. Он ее любит сыновней и поэтической любовью. Ее мир и покой, «самую глубину» ее ночи, «степной темной ночи, слепой и немой красавицы», он славит как умиротворяющую и благую силу, которая дает забыть о крикливой жизни, о шумной суতোлке ее, об этих торжествующих ее героях – каком-нибудь Македоне Елистратыче, письмоводителе пристава, «Нептуне в своей луже», или целовальнике, «лысом этаком гостеприимце». Природа – воскресенье, святой отдых, праздничное утро духа. И сквозь массу снежных пушинок, «как красавица из-под вуали, светлый месяц любопытно посматривает на далекую от него землю». Лес, «редко когда смолкающий рассказчик», со своими «нестареющими кудрями», прекрасен и тогда, когда «сосны и ели раскрашивают могильное однообразие савана своими вечнозелеными ветвями»; но с особенною мощью зовет он к себе, в свои зеленые сени, весною – и бегут, бегут на этот зов деревенские дети, и не только они, но и строгие учителя их. Послушные весеннему чувству, пономарь и отставной унтер даже перенесли дыхание леса в свою убогую комнату: они восторженно слушают в ней «поющий птичий мир». Долгими зимними вечерами, проводив беспросветный будничный день, готовились они к празднику – вязали волосяные лесы или нитяные сети для птичьей ловли, стругали клетки, мастерили дудочки, и, пока занимались этим, они душевным слухом «слышали могучий шелест дремучего леса, птичьи крики и взлеты, а глаза видели глубокие и светлые заводи широкой реки, блестящие всплески рыб и быстрое реянье чаек и чибисов, жалобно стонавших над тайными речными глубинами»; и вот, когда расцветала природа, они ходили на свою ловлю, и скоро в избе пономаря начинали в своих клетках заливаться голосистые птицы – скворцы, щеглы, и чижи, и синицы, и ряпола, и это среди

всяческой деловитости и прозы создавало чарующую иллюзию, будто нет потолков и стен, и тюрем жизни, будто все растворяется в одной сплошной природе, в одном ликовании поющего естества. «Стозевная песня» несется и от степи; пусть это песня о невзгоде и нужде, об истомленных странниках человеческих, но сама степь и звезды над нею льют в истерзанную душу благоволение, нежность и любовь. И степь эта для ее сына и певца, Левитова, – мистическое, непостижимое существо. Она – не только ландшафт и зрелище для людей, но и нечто самостоятельное; она – сама по себе, и наш писатель различает в ней отдельные моменты, знает каждый час и каждый вздох ее, слушает ее вечерние думы. Он олицетворяет ее курганы, ее туманы – эти седые речные пары, которые похожи на сказочного великана, стерегущего зарытый клад, – все то же драгоценное сокровище отдыха, праздника, счастья. Оттого странники русских дорог часто последние силы свои отдают на то, чтобы вернуться домой и улечься на отцовском, на степном погосте. И на своей стороне знает Левитов особый мир могил – знает «много могил, приютивших у себя таких мучеников с их кровавыми ранами; об их жертвенной крови неустанно шепчут и плачут листья развесистых кленов и белых берез», и деревья эти «нежно лелеют уснувшее горе». Засыпает усталое горе в объятиях родной степи. Правда, у нее есть и свой нестерпимый зной, который говорит, что и природа, изнывающая в жару и бреде, имеет свои муки, неведомые людям, что существует некое общее страдание вселенной; и тогда страшно в степи то, что она – такой пейзаж, которого живое не оживляет и который навеки останется в своей мертвой недвижимости; и на бедные, беззащитные человеческие головы низводит палящий зной губительные солнечные удары.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.